

М. А. Волконская
НИУ ВШЭ, Москва, Россия. mary.volkonskaya@gmail.com

О «ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ» В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИЙСКОЙ АЛЛИТЕРАЦИОННОЙ ПОЭЗИИ

Вопрос о том, что подразумевается под термином «поэтическая лексика» применительно к древне- и среднеанглийской аллитерационной поэзии, до сих пор остается спорным. При установлении статуса той или иной лексемы исследователи привыкли полагаться на данные о том, встречается ли данная единица за пределами поэтических памятников или нет. Опираясь на материал корпуса древнеанглийских текстов, а также раннесреднеанглийской поэмы Лаямона «Брут» и иных среднеанглийских источников, в настоящей работе мы рассмотрим ряд примеров, которые заставляют по-новому взглянуть на вопрос отнесения тех или иных лексем к «поэтической лексике» в средневековой английской аллитерационной поэзии.

Ключевые слова: аллитерационная поэзия, древнеанглийский, среднеанглийский, Лаямон, поэтизмы.

Maria Volkonskaya
HSE University, Moscow, Russia. mary.volkonskaya@gmail.com

On “poetic words” in medieval English alliterative poetry

In his Candidate of Sciences (Ph. D.) thesis, written in 1942, M. I. Steblin-Kamenskij studied the stylistic features of Old English poetry. The cornerstone of his thesis is the claim that the diction of Old English poetry is quite different from prose. It is a separate form of the language, and, as follows from Steblin-Kamenskij’s analysis of noun-epithets, it is also rather conservative. Following his ideas, O. A. Smirnitskaya has convincingly shown that alliterative poetry is a special stage in the development of poetic form, which is characterized by a systemic dual unity of verse and language. However, the nature of Old English poetic diction is still under debate. In defining the status of a particular lexeme as “poetic” or “predominantly poetic”, researchers tend to rely on whether it is confined in usage to poetic texts only or predominantly — occurring mainly in verse with some limited incidence in non-poetic texts. Furthermore, it is usually taken for granted that poetic words have certain stylistic qualities, adding a sense of elevation to non-poetic contexts. Based on the data from the DOE Web Corpus, as well as Lawman’s early Middle English poem *Brut* and other Middle English sources, this paper will consider a number of examples (namely, three simplexes for ‘man, warrior’

— *beorn, guma, rinc*) that might shed new light on the nature and limits of “poetic diction” in medieval English alliterative poetry.

Keywords: alliterative poetry, Old English, Middle English, Lawman, poetic words.

Изучение особенностей древнеанглийского поэтического стиля легло в основу кандидатской диссертации М. И. Стеблин-Каменского, написанной в Ленинграде во время блокады летом и осенью 1942 г. (ее сокращенное изложение представлено в Steblin-Kamenskij 1946). В своей работе он исходил из того, что древнеанглийский поэтический язык имеет особый, отличный от прозаического, лексический состав и представляет собой отдельную форму языка, причем — как следовало из анализа субстантивных эпитетов — достаточно консервативную (Steblyn-Kamenskij 1946: 41–51). Отталкиваясь от положений М. И. Стеблин-Каменского, О. А. Смирницкая в дальнейшем убедительно показала, что аллитерационная поэзия — особый этап в развитии стихотворной формы, который характеризуется системным двуединством стиха и языка (Smirnitskaya 1994: 423–424). Однако вопрос о том, что подразумевается под термином «поэтическая лексика» применительно к аллитерационной поэзии, как эта лексика соотносится с лексикой общего словаря, продолжает оставаться спорным.

При обсуждении статуса той или иной лексемы исследователи привыкли полагаться на данные о том, засвидетельствована ли данная единица за пределами поэтических памятников или нет (Stanley 1971: 385–387; Frank 1994: 89–90). В то же время отмечалось, что некоторые лексемы, традиционно считающиеся поэтизмами, встречаются и в непоэтических памятниках — это не зависит ни от происхождения, ни от времени создания данного памятника (Frank 1994: 106). При этом обычно считается само собой разумеющимся, что поэтизмы обладают особой стилистической окраской, и авторы вводили их в прозаические произведения с определенной целью. Так, Э. Г. Стэнли, рассматривая использование поэтизмов во фрагменте древнеанглийской гомилии о Судном дне, отмечает, что ее автор, вероятно, «опознавал и осознанно использовал данные единицы как знак того, что его дискурс в данном случае является поэтическим» (Stanley 1985: 368). В некоторых случаях за использованием или, наоборот, отказом от использования поэтизмов усматривали особенности развития авторского стиля: например, Эльфрик семь раз использует в своих ранних

гомилиях поэтизм др.-англ. *metod* 'судьба; творец', но в дальнейшем отказывается от него (Godden 1980: 217–219).

Резюмируя наблюдения исследователей, М. Гриффит выделяет четыре типа контекстов за пределами классического древнеанглийского стиха, в которых может встречаться поэтическая или преимущественно поэтическая лексика: 1. расшатанный (неканонический) аллитерационный стих; 2. памятники, написанные ритмической прозой; 3. риторически возвышенная проза; 4. глоссы (Griffith 2014: 100–104). Но если первые два типа контекстов генетически восходят к стиху (что может объяснить проникновение в них поэтической лексики), даже в последних двух случаях, согласно Гриффиту, данные лексемы всё равно сохраняют отмеченный нейтральный статус, поскольку и вне поэзии они употребляются в возвышенных контекстах. Так, в глоссах, по его наблюдениям, поэтизмы появляются в тех случаях, когда в оригинале имеется редкая или стилистически возвышенная лексема. Например, комментируя отрывок из «Трактата о девстве» Альдхельма, глоссатор использует поэтизм др.-англ. *folm* 'ладонь' там, где в латинском тексте используется редкая лексема *vola* 'ладонь' вместо распространенной *manus* (Griffith 2014: 111).

Однако все эти исследователи принимают за данность, что лексемы, не засвидетельствованные или практически не засвидетельствованные за пределами поэтических памятников, заведомо были поэтизмами по своей функции, то есть отличались от нейтральной лексики как слова торжественные или возвышенные. Такая модель свойственна современному языковому сознанию, но не может быть в полной мере перенесена на язык древних памятников по двум причинам. Во-первых, говоря о древнеанглийской поэзии, необходимо помнить, что «до нас дошла только маленькая часть этой поэзии, и неизвестно, какое место занимало в этой поэзии то, что сохранилось» (Steblin-Kamenskij 1946: 14). Отдельные лексемы могли сохраняться исключительно в поэтических памятниках не в силу своих особых свойств, но лишь в силу специфики своего денотата, как, например, лексемы, связанные с пережитками языческих практик (Smirnitskaya 1994: 229). Но — что более важно — определенные слова общего языка могли развивать в поэтическом языке свои особые коннотации, становясь, таким образом, поэтизмами в функциональном плане: «определителем поэтизмов является стих... тот особый ценностный и ассоциативный ореол, который сопутствует данному слову в поэзии (и

отличает его от прозаического двойника, если таковой имеется) выявляется не иначе, как через посредство метрики и аллитерации» (Smirnitskaya 1994: 230). Что же касается тех лексем, которые засвидетельствованы преимущественно в поэзии, но изредка появляются и в непозитических контекстах, то их функция может быть установлена лишь путем специального изучения, но не выводится как данность из внешнего признака употребительности.

Опираясь на материал торонтского корпуса древнеанглийских текстов Dictionary of Old English Web Corpus (DOEWC)¹, который объединяет все сохранившиеся памятники — поэзию, прозу и глоссы, а также соотнося полученные данные с информацией о дальнейшей судьбе изучаемых лексем (речь идет прежде всего о раннесреднеанглийской поэме Лаямона «Брут», а также материале из электронного словаря среднеанглийского языка Middle English Dictionary (MED)), в настоящей работе мы рассмотрим три примера, которые заставляют по-новому взглянуть на вопрос отнесения тех или иных лексем к «поэтической лексике» в средневековой английской аллитерационной поэзии. Все рассматриваемые нами далее лексемы тяготеют в своем употреблении к поэтическим текстам и относятся к группе простых синонимов, обозначающих ‘мужа; воина’.

Первая лексема — др.-англ. *beorn* (основа на *-a-, m.*) — этимологически связана с наименованием медведя, ср. др.-сканд. *björn* (основа на *-u-, m.*) ‘медведь’, *bera* (основа на *-u-, f.*) ‘медведица’, а также др.-англ. *bera* (основа на *-n-, m.*) ‘медведь’, и толкуется как наименование воина, обусловленное специфическими качествами данного зверя, его силой и свирепостью. Аналогичное соответствие мы находим в паре др.-англ. *eofor* ‘вепрь’ — др.-сканд. *jöfur* ‘воин’. Согласно корпусу DOEWC, в древнеанглийской прозе есть случаи смешения существительных *beorn* ‘воин’ и *bearn* ‘ребенок, отпрыск’ (от глагола *beran* ‘носить, рожать’), ср. следующий пример из грамоты: *And þe land be westan æt Fittingtune & æt Niwantune he becwæð his sweostrun & heora beornun* (Ch 1488) — «И землю к западу у Фиттингтуна и Нивантуна он завещал своим сестрам и их детям». Такие примеры контаминации в дальнейшем встретятся и в среднеанглийских памятниках, где ср.-англ. *burn(e)* зачас-

¹ Если не указано иное, далее в работе все написания цитат и сокращенные названия древнеанглийских памятников приведены согласно данному корпусу.

тую смешивалось со ср.-англ. barn (MED). К этим примерам примыкает спорный случай с памятной надписью на фрагменте каменного креста в Дьюсбери (отметим использование в ней аллитерации, сближающее данный текст со стихом): rhtaе beсun <aefter> beornaе, gibiddad <daer> saule (Inscr 12), относительно интерпретации которой мнения исследователей расходятся. Как отмечается в (CASSS 8: Dewsbury 10), форму beornaе в данном контексте можно интерпретировать как имя собственное, о котором см. ниже («<воздвиг> знак в память о Беорне, молитесь за его душу»), или как имя нарицательное, причем оба варианта перевода представляются возможными («<воздвиг> о -be(o)ght'e знак в память, сыне/воине, молитесь за его душу»), хотя на основании имеющихся параллелей с аналогичными памятными надписями, в которых используются термины родства, предпочтительным кажется первый вариант («о... сыне»).

Исключив подобные случаи контаминации, мы обнаружим, что лексема beorn, согласно данным корпуса DOEWC, не встречается за пределами поэтических памятников. Более того, из 130 выявленных контекстов нет ни одного, где эта лексема не была бы отмечена аллитерацией, тяготея при этом к первой (40% случаев) и третьей (44,5%) вершинам. Эта лексема также была довольно распространена как компонент двучленных имен собственных: Beornhēah, Beornwulf, *Frēobeorn (Feilitzen 1937: 200; 254, note 2). Такого рода имена, являясь яркой особенностью древнегерманского именослова, имели ряд архаических особенностей, сближающих их с мифопоэтической традицией (Торогова 1996: 241). Встречается Beorn и как простое имя собственное, которое получило распространение, вероятно, под скандинавским влиянием (Redin 1919: 4; Feilitzen 1937: 200), что может косвенно указывать на то, что лексема beorn не была ограничена лишь поэтической сферой. Представляется, что в пользу этого говорит и тот факт, что в среднеанглийском данная лексема получила распространение в именах прозвищного типа, восходящих к роду занятий (Clark 2006: 566–577): согласно MED, с конца XII века встречаются такие имена, как Willelmus Bern, Wlwich le boerne, Stephanus le Borne, Walterus le Borne, Henricus le Bern.

Др.-англ. guma (основа на -n-, *m.*) 'мужчина, муж' (др.-сакс. gumo, др.-верх.-нем. gumo, gomo, ср.-верх.-нем. gome, др.-сканд. gume, гот. guma) имеет индоевропейские параллели (лат. homo 'человек'). Изучая семантическую сферу, закрепленную

за данным синонимом в древнеанглийской поэзии, Н. Б. Пименова отмечает его аттракцию к семантическим подсистемам битвы, золота, пира и отмеченность выдающимися качествами (самыми важными свойствами эпического героя): в эпическом мире *guma* — это «муж-воин, близкий к битве и гибели, дающий дары и обладающий дарами (и вместе с ними честью), приносящий честь на пиру, мудрый и т. п.» (Pimenova 2004: 412).

Хотя число контекстов с данной лексемой в поэтических памятниках сопоставимо с *beorn*, видимо, слово *guma* принадлежит более низкому рангу: оно, в отличие от *beorn*, может не отмечаться аллитерацией. Из 160 выявленных контекстов аллитерацией не отмечены 9%; из них в 4% случаев *guma* занимает четвертую вершину, в 5% случаев — вторую. Например, весьма примечателен следующий контекст, выбивающийся из героической тональности, описанной выше, где Беовульф говорит о побежденном им чудовище Гренделе: *feasceaft guma / frofre gebohte* (Beo 973) «жалкое создание / облегчения <не> нашло». Остальные контексты, в которых *guma* участвует в аллитерации, распределены следующим образом: 25% — первая вершина, 21% — вторая, 43% — третья.

По данным корпуса, в прозе данная лексема встречается четыре раза. В одном случае, по всей видимости, она является частью топонима (что косвенно указывает на устное бытование): *To gumān graue* (Ch 567) «До рожи воина». Также мы находим *guma* в древнеанглийском переводе «Утешения философией» Бозция — в обращении короля Альфреда, уснащенном аллитерацией: *Wella, wisan men, wel; gað ealle on þone weg ðe eow <lærað> þa foremæran bisna þara godena gumena & þara weorðgeornena wera þe ær eow wæron* (Bo 40.139.5) «О, мудрецы, идите все по тому пути, которому учат славные примеры хороших людей и тех благородных мужей, что были до вас». Наконец, последние два контекста встречаются в одном памятнике — в трактате монаха и ученого начала XI века Бюрхтферта «Руководство» (*Enchiridion*), который, восхваляя Беду Достопочтенного, дважды называет его *gumena se getyddusta/getiddusta* (ByrM 1) «из мужей наимудрейшим». Представляется, что у Альфреда и Бюрхтферта употребление *guma* связано не столько с возможной принадлежностью лексемы к возвышенному стилю, но с тем, что здесь представлен тот же понятийный ряд отмеченности великих мужей прошлого положительными качествами (мудростью и т. п.), который выявляется на материале поэзии. Впрочем, эпическая

семантика данной лексемы вне поэзии оказывается не вполне устойчивой, и помимо приведенного выше топонима мы находим пример ее конвенционализации также и в глоссах: *incredibiles ungelefe gum.* (OccGl 51.4.3) «неверующие». Представляется, что на то же указывает и употребление *guma* как второго элемента в распространенном преимущественно в прозе композите др.-англ. *brȳd-guma* ‘жених’.

Др.-англ. *ginc* (основа на *-a*, *m.*, ср. др.-сакс. *rink*, др.-сканд. *rekkr* < **renk-*) связано с прилагательным *ganc* ‘гордый, властный, сильный’ с другой ступенью аблаута. Из 55 контекстов в поэзии данная лексема встречается в позициях, не отмеченных аллитерацией, в 14,6% случаев (11% — четвертая вершина, 3,6% — вторая вершина); остальные контексты, отмеченные аллитерацией, распределяются так: третья вершина — 41,8%, первая — 23,6%, вторая — 20%. Таким образом, как и *guma*, это слово принадлежит более низкому рангу, чем *beorn*. Н. Б. Пименова выделяет следующие основные контексты, определяющие специфику употребления данного слова: описание ослабленной активности (не действующий герой, а герой как объект чужих действий); обозначение неполноценности или слабости дружины, воинов или предводителя; обозначение подчиненного социального статуса (младший родственник или же герой, связанный узами договора или обета с вышестоящим по рангу лицом); обозначение второстепенных персонажей или неиндивидуализированной дружины вокруг героя (Pimenova 2008).

Согласно корпусным данным, *ginc* также встречается в семи контекстах в глоссах, причем все контексты единообразны и относятся к одному источнику — упоминавшемуся выше «Трактату о девстве» Альдхельма, например: *hircitallo robusto iunge gince | hysse* (AldV 1) «юный муж | юноша»; *ut effebo hircitallo swa beardleasum gince* (AldV 3.1) «как безбородый юноша» и т. п. Примечательно, что во всех случаях толкуется необычная форма *hircitallo*, abl. sing. (к прилагательному *hirqitallus* ‘достигший половой зрелости’). Таким образом, ассоциативные связи, выявленные у лексемы *ginc* на материале поэзии, в данном случае, как представляется, сохраняются. М. Гриффит отмечает, что число поэтизмов в глоссах к «Трактату о девстве» необычайно велико (Griffith 2014: 110); можно предположить, что глоссатор был хорошо знаком с древней поэтической традицией, а потому следовал в своем употреблении ее семантическим закономерностям.

Следующее появление рассматриваемых нами лексем на историко-лингвистической сцене — среднеанглийская поэма Лаямона «Брут», написанная в конце XII — начале XIII века. Данный текст, считающийся первым памятником английской артурианы, примечателен тем, что его стих и язык имитируют древнеанглийскую аллитерационную поэзию; повествуя об истории Британии, Лаямон транспонирует в мир героического эпоса свой ключевой источник, англо-нормандский «Роман о Бруте» Васа, выводя его из стилистики рыцарского романа (Bennett 1986: 70–72). Как и в древнеанглийских памятниках, в «Бруте» используется поэтическая синонимика, обозначающая ключевые элементы героического мира, но функционально эти лексемны несопоставимы: синонимы у Лаямона не сохраняют ту ценностно-ассоциативную информацию, которая проявлялась в древнеанглийской поэтической традиции как система метрических рангов. Так, *beorn* и *gume* у Лаямона отмечены аллитерацией лишь примерно в половине случаев (55% и 50% из 76 и 85 контекстов соответственно), но при этом нередко употребляются в составе клише в рифме. *Rink* встречается в «Бруте» Лаямона лишь в одном контексте; в более поздних среднеанглийских памятниках начинает также использоваться форма *genk*, что, вероятно, объясняется влиянием генетически тождественного скандинавского *rekkr* в диалектах северного и западного Мидленда. В дальнейшем употребление данных лексем будет ограничено преимущественно памятниками «аллитерационного возрождения», где они превращаются в традиционно воспроизводимые клише, которые тяготеют к отмеченности в стихе, иными словами, конвенциональные приметы «исконной» поэзии (Brink 1920).

Однако сравнение текстов ограничивает поле зрения исследователя лишь видимыми фактами, между тем как известные нам древнеанглийские и среднеанглийские памятники представляют собой лишь «вершину айсберга» и неизбежно дают ограниченное представление о древне- и среднеанглийской лексике. Мы можем предположить, что древнеанглийские лексемны *beorn*, *guma*, *ginc*, известные нам как «поэтизмы», имели распространение и за пределами засвидетельствованных форм древнеанглийского языка. Данные топонимики и антропонимики, а также факты среднеанглийского языка служат поддержкой такого предположения. Следовательно, единичные примеры «сверхпоэтического» употребления древнеанглийских лексем, которые мы находим в корпусных данных, свидетельствуют не столько о

том, что употребление синонимов в прозе вторично и функционально ограничено (ненейтральной стилистической функцией), сколько о глубинной и актуальной связи с устной поэтической традицией (что подтверждается сохранением ценностно-ассоциативного ореола данных лексем в отдельных прозаических контекстах), а также о том, что данные лексемы могли иметь более широкое устное бытование. Следует допустить, что этот слой устной традиции, с которым контактировала классическая аллитерационная поэзия, не исчез в одночасье с ее гибелью, но послужил своего рода «питательной средой» для последующих поэтов, которые, как Лаямон, желали прикоснуться к прошлому. Однако в среднеанглийских памятниках эта традиция нашла отражение уже на иных основаниях: синонимы в них используются как слова отмеченные, то есть во вполне привычной для нас поэтической функции. Таким образом, сохранность лексем в данном случае оказывается таким же внешним признаком, как и употребительность той или иной лексемы в засвидетельствованных древнеанглийских памятниках.

Литература

- Bennett, J.A.W. 1986: *Middle English literature*. Oxford: Clarendon Press.
- Brink, A. 1920: *Stab und Wort im Gawain: eine stilistische Untersuchung*. Halle.
- CASSS 8 — *The Corpus of Anglo-Saxon Stone Sculpture. Vol. 8: Western Yorkshire*. Durham University, 2022.
URL: <https://chacklepie.com/ascorpus/catvol8.php>.
- Clark, C. 2006: Onomastics. In: *The Cambridge History of the English Language. Vol. II. 1066–1476*. Cambridge: Cambridge University Press, 542–606.
- DOEWC — *Dictionary of Old English Web Corpus*. University of Toronto, 2009. URL: <http://tapor.library.utoronto.ca/doecorpus/>.
- Feilitzen, O. von. 1937: *The pre-Conquest personal names of Domesday Book*. Uppsala.
- Frank, R. 1994: Poetic words in late Old English prose. In: *From Anglo-Saxon to early Middle English: studies presented to E. G. Stanley*. Oxford: Clarendon Press, 87–107.
- Godden, M. R. 1980: Ælfric's changing vocabulary. *English studies* 61, 206–223.
- Griffith, M. 2014: Old English poetic diction not in Old English verse or prose — and the curious case of Aldhelm's five athletes. *Anglo-Saxon England* 43, 99–131.

- MED — *The Electronic Middle English Dictionary based on Middle English Dictionary by H. Kurath, Sh. Kuhn*. University of Michigan, 2001. URL: <http://quod.lib.umich.edu/m/med/>.
- Pimenova, N. B. 2004: [Two Old Germanic “poetic archaisms” (lexical concreteness and stylisticity in the historical and typological perspective)]. In: *Slovo v perspektive literaturnoj ehvolyucii [The word in the perspective of literary evolution]*. Moscow, 408–423.
- Пименова, Н. Б. 2004: Два древнегерманских «поэтических архаизма» (предметность и стилистичность слова в историко-типологической перспективе). В сб.: *Слово в перспективе литературной эволюции*. М., 408–423.
- Pimenova, N. B. 2008: [Old English poetic lexicon: rinc “man, warrior”]. In: *Germanistika. Skandinavistika. Istoricheskaya poehatika [Germanistics. Scandinavian studies. Historical poetics]*. Moscow, 295–303.
- Пименова, Н. Б. 2008: Древнеанглийский поэтический словарь: rinc «муж, воин». В сб.: *Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика*. М., 295–303.
- Redin, M. 1919: *Studies on uncompounded personal names in Old English*. Uppsala.
- Smirnitskaya, O. A. 1994: *Stix i yazyk drevnegermanskoj poehzii [The verse and language of Old Germanic poetry]*. Moscow.
- Смирницкая, О. А. 1994: *Стих и язык древнегерманской поэзии*. М.
- Stanley, E. G. 1971: Studies in the prosaic vocabulary of Old English verse. *Neuphilologische Mitteilungen* 72, 385–418.
- Stanley, E. G. 1985: *The Judgement of the Damned* (from Cambridge, Corpus Christi College 201 and other manuscripts), and the definition of Old English verse. In: *Learning and literature in Anglo-Saxon England*. Cambridge: CUP, 363–391.
- Steblin-Kamenskij, M. I. 1946: [On the development of Old English poetic style (noun-epithet in Old English poetry)]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A.I. Gercena [Scientific memoirs of the Herzen State Pedagogical Institute]* 48, 7–60.
- Стеблин-Каменский, М. И. 1946: К вопросу о развитии древнеанглийского поэтического стиля (субстантивный эпитет в древнеанглийской поэзии). *Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена* 48, 7–60.
- Toporova, T. V. 1996: *Kul'tura v zerkale yazyka: drevnegermanskije dvuchlennye imena sobstvennye [Culture in the mirror of language: the Old Germanic compound proper names]*. Moscow.
- Топорова, Т. В. 1996: *Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные*. М.